

**Шатковская Татьяна Владимировна**,  
доктор юридических наук, заведующий  
кафедрой теории и истории права и  
государства, Южно-Российский институт  
управления – филиал РАНХ и ГС при  
Президенте РФ; 344002, г. Ростов-на-Дону,  
ул. Пушкинская, д. 70/54; профессор кафедры  
теории и истории государства и права,  
юридический факультет, Южный федеральный  
университет, 344002, г. Ростов-на-Дону,  
ул. М. Горького, д. 88,  
email: shatkovskaya.tv@gmail.com

**Shatkovskaya, Tatiana V.**,  
Doctor of Law, Head of the Department of Theory  
and History of Law and State, Southern Russian  
Institute of Management (a branch of RANEPa),  
70/54 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,  
344002, Russian Federation;  
Professor at the Department of Theory  
and History of State and Law, Law Faculty,  
Southern Federal University,  
88 M. Gorkogo Str., Rostov-on-Don,  
344002, Russian Federation,  
email: shatkovskaya.tv@gmail.com

**Феодорова Марианна Христефоровна**,  
аспирант, Ростовский государственный  
экономический университет (РИНХ),  
344000, г. Ростов-на-Дону,  
ул. М. Горького, д. 166,  
email: mari\_anna.08.1988@mail.ru

**Feodorova, Marianna Kh.**,  
PhD-Student, Rostov State University  
of Economics (RINKh),  
166 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,  
344000, Russian Federation,  
email: mari\_anna.08.1988@mail.ru

## **НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ М. М. СПЕРАНСКИМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КОДИФИКАЦИИ**



## **SCIENTIFIC AND PRACTICAL SUBSTANTIATION OF THE LEGAL TECHNIQUE OF CODIFICATION BY M. M. SPERANSKY**

**АННОТАЦИЯ.** Статья посвящена изучению творческого наследия М. М. Сперанского в области юридической техники кодификации. Сперанский стал первым профессиональным кодификатором России. Однако его сорокалетний опыт кодификационных работ слабо изучен отечественными правоведами. Авторы статьи отчасти восполняют данный пробел. В статье выделены и проанализированы основные юридико-технические новации, разработанные М. М. Сперанским и внедренные им в практику российского законодательства. В исследовании успех кодификации 1826–1839 гг. связывается с тем, что она базируется на творческом синтезе общепризнанных западноевропейских правовых начал и традиционных российских правовокультурных ценностей.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** кодификация; российское право; юридическая техника; закон; Свод Законов; Сперанский; российское законодательство.

**ABSTRACT.** The article is devoted to the study of the creative heritage of M. M. Speransky in the field of legal technique of codification. Speransky became the first professional codifier in Russia. However, his forty years of experience in codification work has been poorly studied by domestic jurists. The authors of the article partly fill this gap. The article identifies and analyzes the main legal and technical innovations developed by M. M. Speransky and introduced by him into the practice of the Russian lawmaking. In the study, the success of the codification of 1826–1839 is associated with the fact that it was based on a creative synthesis of generally recognized Western European legal principles and traditional Russian legal cultural values.

**KEYWORDS:** codification; Russian law; legal technique; law; Code of Laws; Speransky; Russian legislation.

## ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

*Шатковская, Т. В.* Научно-практическое обоснование М. М. Сперанским юридической техники кодификации [Текст] / Т. В. Шатковская, М. Х. Феодорова // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 71–77. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-3-10.

## FOR CITATION:

*Shatkovskaya, T. V.* Scientific and Practical Substantiation of the Legal Technique of Codification by M. M. Speransky [Text] / T. V. Shatkovskaya, M. Kh. Feodorova. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 3. – P. 71–77 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-3-10.

Успех кодификации в первой половине XIX века связан с именем М. М. Сперанского – одного из величайших государственных деятелей и законодателей Российской империи. Он стал первым российским профессиональным кодификатором. Его кодификационную деятельность условно можно подразделить на два этапа, отличающихся как по характеру и методам их проведения, так и по цели и задачам, поставленным кодификатору верховной властью.

С учетом выявленной и общепринятой в науке взаимосвязи между развитием позитивного права и волеизъявлением верховной власти характер участия государства в кодификации имеет важное значение. Так, результативность кодификационной комиссии первой половины XIX в. во многом связана с принятием Николаем I указа от 31 января 1826 г. [7], согласно которому император принял дело составления свода законов в свое непосредственное ведение, а также с созданием на основе кодификационной комиссии II отделения Собственной Его Величества Канцелярии (далее – СЕВК).

Исходя из этого в кодификации, проводимой в первой половине XIX века, может быть выделено два хронологических этапа: 1) 1804–1810 гг., 2) 1826–1839 гг., когда работу комиссии фактически возглавлял М. М. Сперанский.

Кодификационная деятельность М. М. Сперанского проходила по определенному разработанному им плану и правилам, которые он реализовывал на собственном опыте. К примеру, рекомендации к составлению Уголовного Уложения он начал с определения общих начал уголовного права, прежде всего понятия закона, под которым понималось «выражение порядка в виде правила» [6, с. 7].

Сперанский раскрыл различные классификации законов, разделяя их на естественные и положительные; внутренние (их обязательная сила поддерживается совестью и благоразуми-

ем) и внешние (общедозволительные), обязательность которых обеспечивается действием внешней власти. Наказания, предусмотренные за нарушение закона, он подразделил по их характеру на исправительные и уголовные. Первого рода наказания устанавливались за проступки, названные им «легко устранимыми нарушениями закона». Вторые наказания назначались за преступления как опасные деяния, нарушающие целостность права и опасность которых сложно устранить.

По мнению Сперанского, строение уголовных законов определяется их тройным назначением, а именно: определение деяний, которые считаются преступлениями; установление наказания за них, а также порядка обличения преступника. Этим он обосновывал принятие двух книг уголовных законов о преступлениях и наказаниях, и закон об уголовном судопроизводстве [6, с. 4].

Классификацию преступлений Сперанский предлагал осуществлять по видам прав, которые он в свою очередь подразделял на государственные (три рода, определены в основных законах; четыре рода, установлены в законах учредительных, и три рода прав, предусмотренных в законах сил правительственных) и гражданские, принадлежащие каждому лицу в зависимости от его состояния. Таких состояний Сперанский выделил четыре: состояние физического лица, состояние лица как члена Государства, семейственное состояние, состояние в делах и отношениях собственности [6, с. 12].

Все вышеизложенное логическое построение определяло, с точки зрения Сперанского, систему преступлений в Уголовном Уложении, включающую 14 родов преступлений, и обуславливало его структуру. Тем самым Сперанский исправлял главный недостаток системы российского права, состоящий в отсутствии общих начал и четких теоретических построений. Отсутствие последних приводило к тому,

что законы, принимавшиеся по отдельным частным случаям, не могли быть структурированы и упорядочены по единым юридическим канонам.

Сперанский понимал, что принятие Полного собрания законов и Свода Законов не решало проблемы неустроенности российских законов. Сразу после Высочайшего одобрения Свода Законов он составил записку, в которой дается поручение о его негласной ревизии Департаментом Министерства юстиции, Канцелярией Правительствующего Сената, Губернскими присутственными местами, прокурорами. Всем вышеперечисленным учреждениям вменялось в обязанность проверить текст Свода Законов на предмет наличия в нем пробелов, противоречий или иных недоразумений. Все выявленные замечания должны были быть оформлены соответствующими протоколами и направлены в Министерство юстиции.

При этом Сперанский дал рекомендации как по оформлению различного рода замечаний, так и по правильному прочтению текста Свода. В частности, замечания о неполноте отдельных статей он предлагал оформить в виде ссылок под конкретными статьями или указать в ссылке о необходимости дополнения ввиду пропуска, к конкретному делу относящегося.

Сперанский обращал внимание на то, что статьи Свода следует воспринимать в совокупной их между собой связи. Ревизорам Свода не дозволялось касаться систематического распределения статей и делать по этому поводу рассуждения. Пропуском не следовало считать отсутствие упоминания о более ранних указах, при приведении более позднего, которым более ранние вполне заменялись. Сомнение в точности формулировки статьи он рекомендовал проверять методом буквального сличения текста и делать ссылку только при обнаружении существенного искажения первоначального текста.

Как следует из архивных документов, Сперанский инициировал максимальное широкое распространение текста Свода Законов среди будущих его правоприменителей. В течение двух лет высшие и местные правительственные учреждения и присутственные места могли высказывать свои сомнения о его полноте и точности. Тем самым Сперанский признавал возможные упущения и недостатки при про-

ведении такой масштабной систематизации положительного права, которой Россия еще не знала. Кроме того, проведение ревизии способствовало внимательному изучению чиновниками российских законов и элементарному их обучению юридической грамотности.

Директорам департаментов были даны разъяснения. Все их сомнения о содержании Свода Законов предлагалось объяснить и оформить в виде представлений на имя соответствующего министра. Представления, одобренные министрами, вносились на рассмотрение Второго отделения СЕВК. Если в результате рассмотрения представление признавалось удовлетворительным, то его отправляли в Государственный Совет. В случае положительного рассмотрения в Государственном Совете исправление вносилось на утверждение Императора, а затем передавалось в Министерство юстиции для исполнения [9, с. 10–15].

Таким образом, Сперанский не только определил строение текстов первых систематических собраний российского права, но и разработал и оформил в записке о порядке продолжения Свода Законов на будущее время механизм его последующего развития, предусмотрев как процедуру, так и правила последующего исправления и совершенствования Свода Законов для сохранения его в полноте и единстве.

Кроме того, на Высочайшее утверждение и рассмотрение Государственного Совета Сперанский подал порядок изъяснения и дополнения законов при действии Свода Законов, включающий ряд правил. В частности, устанавливалось верховенство Свода Законов над всеми предписаниями, исходившими от министерств, внесение изменений в Свод Законов осуществлялось только через Высочайшее утверждение и утверждение Правительствующего Сената, закреплялось правило об обязательном внесении в Сенат всех указов, к общему сведению и исполнению подлежащих.

Пояснительные и распорядительные предписания могли вноситься в Свод законов, только если они не противоречили закону, решали или предупреждали какие-либо сомнения в его смысле. Каждый новый устав или положение должны были содержать отсылочную норму на статью Свода законов, которую они изменяют, поясняют, дополняют, исправляют или отменяют.

Важно отметить, что в литературе, посвященной кодификации первой половины XIX в., об опыте доработки Свода Законов практически не упоминают, и соответственно он не был подвергнут всесторонней научной обработке. Однако такое невнимание считаем неоправданным, так как за два с небольшим года были внесены примечания и подверглись исправлениям 163 статьи. Продолжение к Своду (1832, 1833 гг.) было составлено на 138,5 листах и опубликовано в 4500 экземплярах. К июлю 1835 г.  $\frac{2}{3}$  тиража было продано [9, с. 44].

В ходе этой деятельности были отработаны механизм, правила и порядок обнародования принятых Высочайших повелений и иных правительственных юридических предписаний. Так, любые изменения в Свод Законов Сперанский обуславливает его недостатками. Все изменения он подразделил на четыре вида: прямая отмена; перемена, то есть косвенное изменение статьи силой нового закона; ограничение силы нормы в пространстве или частичная отмена; замена прежнего закона новым [9, с. 34].

Таким образом, пояснения, дополнения и четыре вида изменений составляли, по мнению Сперанского, всю форму новых уставов и положений. Они столь же необходимы, как и действующие законы, так как никакой законодатель не может предвидеть и определить все новое.

Предложения об изменении в закон предварительно рассматривались во Втором Отделении СЕВК и утверждались Высочайшим повелением. Принятые и опубликованные Высочайшие повеления из Правительствующего Сената доставлялись в 4-х экземплярах в министерства и распространялись среди департаментов ежемесячно или в ином порядке, установленном Комитетом министров [9, с. 17, 18].

Министерские предписания размещали в Своде Законов крайне редко как предписания подчиненного закону характера и только в случае существенного пробела в законе по социально значимому вопросу, например, таможенное регулирование. Сперанский предложил и собственную классификацию министерских предписаний, разделив их на два рода: предписания пояснительные, предупреждающие сомнения в смысле законов; предписания распорядительные – меры исполнения, не предусмотренные или нечетко изложенные в самом законе.

Исходя из этого он выводил правило о том, что в Свод Законов не следовало вносить предписаний пояснительных без Высочайшего утверждения, так как право пояснения закона принадлежало законодателю и осуществлялось в законодательном порядке через Государственный Совет.

Кроме того, в своих предложениях по поводу будущего развития Свода Законов Сперанский определил и статус пояснений Правительствующего Сената по поводу сомнений правоприменителей в смысле закона. Он отграничил их от министерских предписаний и разделил на два вида, ни один из которых не мог противоречить закону.

К первым относились пояснения Сената по важному и основательному сомнению, которое, как следует из контекста рассуждений Сперанского, могло быть приравнено к пробелу в законе. Другие пояснения давались по поводу сомнений, которые могли быть преодолены совокупным соображением действующих законов, то есть то, что на современном юридическом языке называется систематическим толкованием закона.

Соответственно первые пояснения направлялись в виде доклада на Высочайшее имя и могли считаться законодательной инициативой принятия новой юридической нормы. Вторые пояснения Сенат постановлял в виде собственных Указов по представлению министров и публиковал к исполнению. Их отмена впоследствии могла быть осуществлена только с Высочайшего разрешения [9, с. 21–23].

С момента вступления Свода законов в законную силу с 1 января 1835 г. от правоприменителей требовалась отсылка на статьи Свода Законов. Для этого Сперанский разработал подробные правила техники осуществления подобных отсылок. Так, в указании статей следовало употреблять заглавие устава или закона, номер статьи или словесную выписку статьи. Образцы указанных наименований содержались в Алфавитном указателе к Своду. Сокращения наименований, кроме указанных в Алфавитном указателе, запрещались. Словесную выписку полного текста статьи предлагалось прилагать только в случае необходимости.

Сперанский рекомендовал правоприменителям проверить действие статьи, удостовериться в ее неизменности во времени. Он ука-

зывает и источник такой проверки, а именно, ежегодно издаваемое Продолжение Свода. При обнаружении изменения следовало приводить статьи, пункты или примечания в том смысле и теми словами, как они стояли в Приложении.

Четкое закрепление принципа действия норм Свода Законов во времени выражалось и в том, что все правоотношения, наступившие до 1 января 1835 г., следовало рассматривать по действовавшим на момент наступления правоотношения указам и постановлениям.

Систематизация российского законодательства в Своде Законов не только позволила сформировать предмет для его научного изучения, но и существенно продвинуть уровень юридической техники в России. В частности, выделим следующие важные новации, внесенные Сперанским:

*во-первых*, обеспечен конкретный порядок смены законов. Так, до принятия Свода Законов каждый новый устав заканчивался словами о том, что все законы, не согласные с новым уставом, отменяются. Однако в чем это согласие или несогласие выражалось, доискиваться приходилось исполнителям, у которых возникла масса вопросов о действии или отмене прежних постановлений. Поэтому принятие нового закона сопровождалось сомнениями и неизвестностью. Появление Свода Законов привело к тому, что в каждом новом уставе и положении указывались статьи Свода, к которым они относятся. Кроме того, определялось шесть порядков такой отсылки (в пояснение, в дополнение, в отмену, в перемену, в ограничение, в замену статьи такой-то) [9, с. 36]. Такой порядок помимо прочего обеспечивал связь нового законодательства с прежним, делая его составной частью целого;

*во-вторых*, Свод Законов, составленный на основе плана и определенных общих начал и положений, привел российское законодательство в систему и порядок. И дальнейшее продолжение Свода в направлении развития придавало плановость, целостность и единство законопроектной деятельности;

*в-третьих*, кодификация осуществлялась на центральном и местном уровнях, параллельно с общеимперским законодательством упорядочивалось правовое регулирование национальных районов. Так, Сперанский после утверждения Устава о инородцах от 22 июля

1822 г. продолжил работу по изданию Свода Законов для кочевых инородцев. Для этого на местное начальство возлагалась задача собрать от почетных людей полные и подробные сведения о местных законах и обычаях, смягчить в них все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими узаконениями и, расположив в надлежащий порядок, представить Главному местному управлению на утверждение. Из подлинных сведений определяли особенности каждого племени и основания инородческого права. При этом не допускалось никаких изменений управления до перемены образа жизни и степени образования инородцев [2, с. 12]. Помимо этого, шла работа по составлению Свода западных губерний и о введении в этих губерниях и в Царстве Польском действия общих законов Империи [4, с. 112].

*в-четвертых*, к работе над отдельными разделами Свода Законов привлекали заинтересованных лиц. К примеру, при обсуждении Устава коммерческого судопроизводства к работе комиссии Сперанский привлекал не только чиновников, но и наиболее авторитетных купцов [5, с. 3].

В целом работу кодификационной комиссии 1826–1839 гг. следует признать успешной. И у этого успеха есть имя – М. М. Сперанский [11, с. 19–30]. Фактически на протяжении четырех десятилетий он занимался упорядочением накопленных в течение более чем полутора столетий десятков тысяч указов, постановлений и иных нормативных актов. Это была первая профессиональная кодификация в России, основанная на синтезе общепризнанных западноевропейских правовых начал и традиционных российских правокультурных ценностей. Подтверждением тому служит внимательное изучение Сперанским лучших современных ему произведений по политической философии [1, с. 1–35] и правоведению, а также составленные им исторические обзоры по различным предметам правового регулирования.

В архиве РГИА в фонде «Бумаги М. М. Сперанского» нам встретилась рукопись труда В. Г. Кукольника «Краткое историческое обозрение российского законодательства», которое не упоминается ни в одном из библиографических списков работ данного автора [8, с. 1–272]. На закате своей карьеры в Педагогическом институте этот профессор, который

читал российское частное право на публичных курсах для чиновников, указывал на необходимость изучения юриспруденции и особенно такого ее раздела как история законодательства.

О том, какой гигантский объем работы пришлось проделать Сперанскому, написали его биографы [10, с. 66–69]. Он был и разработчиком, и организатором, и идейным вдохновителем, и главным исполнителем намеченного и высочайше утвержденного Николаем I плана кодификационных работ. В докладных записках Сперанского приводились данные о медленном и некачественном исполнении тех заданий, которые поручались отдельным сенаторам, иным чиновникам [5, с. 1–3]. Вместе с тем кодификация имела и горячих сторонников, активно помогавших в осуществлении работ, за что многие из них получили государственные награды [3, с. 1–3].

Исторической особенностью Российского государства в дореволюционный и советский период стало отсутствие самостоятельного законодательного органа. Поэтому кодификационную деятельность осуществляли органы исполнительной власти, точнее чиновники комиссий, создаваемых при Государственном Совете, министерствах и Втором отделении СЕВК. Сперанский понимал необходимость юридического образования для проведения кодификационных работ. Поэтому особое внимание уделял профессиональной подготовке участников кодификационных комиссий, в ходе которой было обучено юриспруденции несколько сотен молодых и талантливых чиновников.

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что в изучении второго периода кодификации (1826–1839 гг.) с участием М. М. Сперанского (принятие Полного собрания законов, Свода Законов и Уложения о наказаниях Уголовных и исправительных 1845 г.) имеется существенный пробел. Он связан с недостаточной изученностью такого этапа кодификации как доработка Полного собрания и Свода Законов. Однако именно на данном этапе кодификация вышла за пределы кодификационной комиссии, приняла масштабный характер за счет включения различных правительственных учреждений к делу изучения и доработки Свода Законов, развития юридической техники и упорядочения всего российского законодательства в единую целостную

систему, заложенную Сводом Законов. Первоначально практическое, а затем и научное осмысление актов кодификации первой половины XIX в. стало источником последующего развития отечественного правоведения.

### Литература

1. Выдержки из книги Массабю «Дух политических учреждений» // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 1251. – Оп. 1, часть 1. – Д. 7. – 35 л.
2. Дело по изданию Свода законов для кочевых иностранцев // РГИА. – Ф. 1251. – Оп. 1, часть 1. – Д. 171. – 38 л.
3. Дело о награждении майора Каффки за труды по литографированию чертежей и рисунков к Полному собранию законов // РГИА. – Ф. 1251. – Оп. 1, часть 1. – Д. 207. – 15 л.
4. Дело по составлению Свода Законов Остзейских губерний [Дело]: 1831 // РГИА. – Ф. 1251. – Оп. 1, часть 1. – Д. 142. – 113 л.
5. Докладные записки Сперанского [Дело]: 1829–1833 гг. (Фонд Бумаги М. М. Сперанского. Опись № 1, часть 1) // РГИА. – Ф. 1251. – Оп. 1, часть 1. – Д. 129. – 19 л.
6. «Мысли в виде наставлений покойного графа Сперанского к уголовным законам» [Дело]. – [18--]. (Фонд Бумаги М. М. Сперанского. Опись № 1, часть 2) // РГИА. – Ф. 1251. – Оп. 1, часть 2. – Д. 14. – 13 л.
7. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. – Т. 1. – № 114.
8. Рукописи сочинений проф. В. Г. Кукольника «Краткое историческое обозрение Российского законодательства» [Дело]: 1810–1811 гг. (Фонд Бумаги М. М. Сперанского. Опись № 1, часть 1) // РГИА. – Ф. 1251. – Оп. 1, часть 1. – Д. 8. – 272 л.
9. Сперанский, М. М. Бумаги, относящиеся к продолжению Свода законов, между которыми находится проект манифеста о продолжении Свода законов [Дело] // РГИА. – Ф. 1251. – Оп. 1, часть 1. – Д. 162. – Л. 10–15.
10. Фатеев, А. Н. М. М. Сперанский (1809–1909): биографический очерк [Текст] / А. Н. Фатеев. – Харьков : Типография «Печатное дело», 1910. – 80 с.
11. Шатковская, Т. В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? [Текст] / Т. В. Шатковская // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. № 5. – С. 19–30.

### References

1. Excerpts from Massabio's book "The Spirit of political institutions" // Russian State Historical Archive (RGIA). – F. 1251. – Op. 1, part 1. – F. 7. – 35 l. [in Russian].
2. The case for the publication of a Code of laws for nomadic foreigners // RGIA. – F. 1251. – Op. 1, part 1. – F. 171. – 38 l. [in Russian].
3. The case of awarding Major Kaffka for his work on lithographing drawings and drawings to the Complete Collection of Laws // RGIA. – F. 1251. – Op. 1, part 1. – F. 207. – 15 l. [in Russian].

4. The case of the compilation of the Code of Laws of the Ostzei provinces [File]: 1831 // RGIA. – F. 1251. – Op. 1, part 1. – F. 142. – 113 l. [in Russian].
5. Memos of Speransky [File]: 1829-1833 (M. M. Speransky's Paper Fund. Inventory No. 1, part 1) // RGIA. – F. 1251. – Op. 1, part 1. – F. 129. – 19 l. [in Russian].
6. "Thoughts in the form of instructions of the late Count Speransky to criminal laws" [File]. – [18--]. (M. M. Speransky's Paper Fund. Inventory No. 1, part 2) // RGIA. – F. 1251. – Op. 1, part 2. – F. 14. – 13 l. [in Russian].
7. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection. – Vol. 1. – No. 114 [in Russian].
8. Manuscripts of the works of prof. V. G. Kukolnik "A brief historical review of Russian legislation" [File]: 1810–1811. (M. M. Speransky's Paper Fund. Inventory No. 1, part 1) // RGIA. – F. 1251. – Op. 1, part 1. – F. 8. – 272 l. [in Russian].
9. *Speransky, M. M.* Papers related to the continuation of the Code of Laws, between which there is a draft manifesto on the continuation of the Code of Laws [File] // RGIA. – F. 1251. – Op. 1, part 1. – F. 162. – L. 10–15 [in Russian].
10. *Fateev, A. N.* M. M. Speransky (1809–1909): biographical sketch [Text] / A. N. Fateev. – Kharkiv : Printing house "Printing business", 1910. – 80 p. [in Russian].
11. *Shatkovskaya, T. V.* M. M. Speransky's codification technique: reform or compilation? [Text] / T. V. Shatkovskaya // Journal of Russian Law. – 2022. – Vol. 26. – No. 5. – P. 19–30 [in Russian].

*Поступила в редакцию 27.08.2022*

*Received August 27, 2022*